

ANTHONY REYNOLDS

WARHAMMER

40,000

CHOSEN OF KHORNE

Избранный Кхорна

Тьма сгущалась вокруг Мальвена по мере того, как он спускался все глубже в заткнутый, гавящий лабиринт Гипергеома. По осыпающимся каменным тоннелям гуляли потоки

горячего воздуха, трепля его оборванную рясу. Ветер был мертвенно-сухим и

порывистым; он поднимался из глубин земли, словно дыхание самого мира демонов, и

нес с собой запахи чего-то давно мертвого и забытого.

Единственным источником света был архаичный фонарь, висевший в воздухе рядом с

сенешалет; несшие его над землей гравитаторы резко жужжали, заставляя неподвижный

воздух дрожать. За границами освещенного фонарем пространства стояла абсолютно

непроглядная тьма.

Под этими безжизненными бледными
лучами лицо Мальвена казалось
бескровным и

бесцветным. Он был -- по человеческим
стандартам -- древним существом. Горечь
и

обида отпечатались на истерзанном
возрастом лице, а глубоко посаженные,
делающие

его похожим на труп глаза поблескивали,
словно куски обсидиана. Его тело было
чахлым

и хрупким, но тем не менее на боку у него
висел короткий меч. Даже самые старые
слуги

в легионе Пожирателей Миров были
воинами, от которых требовалось
сражаться и

убивать, когда это было необходимо.

При каждом шаге, уводявшем его дальше
во тьму, коричневый сенешальский посох
глухо

ударял по песку под ногами. Тоннель был
шириной лишь в два размаха рук, но

высокий

потолок терялся в тенях. Тьма, казалось, давила на него, словно его присутствие было ей

ненавистно.

На мелком как пыль красном песке тоннеля выгнулись недавние отпечатки ног, и он

следовал за ними. За день сюда, вниз, отправили девять посланников. Ни один не вернулся.

Мальвен сомневался, что на протяжении бесчисленных тысячелетий здесь ступал кто-либо

кроме тех, кто оставил эти следы. С другой стороны, в Оке время шло странно. Тысяча

лет тут могла равняться лишь нескольким часам в реальном пространстве.

Гудящий фонарь начал тигать и тускнеть, и Мальвен ускорил шаг, спеша вперед по

тоннелю. Тоннель был одним из тысяч

подобных ему, вырезанных в камне по
руинами,

что когда-то являлись огромным городом.
Он миновал боковые коридоры и узкие
проходы, многие из которых были
завалены осыпавшимся щебнем и
каменными

обломками, и бессчетные резные проемы,
ведущие в выдолбленные в скале катеры и
темницы. Все они были тесными и
углубившимися, с низкими потолками и
узкими стенами.

На периферии его зрения мелькало
движение, когда он проходил рядом с
этими

древними катерами. В них обитали
осколки воспоминаний из прошлого.
Уматериум

оживил эти терзаемые отголоски людей,
теперь витающие на самых пределах
восприятия. Они кричали, кровожадные и
безумные, а их очертания были туманны и
искажены, как на размытом пиксе.

Он не обращал внимания на злобных

призраков и продолжал идти по тоннелю.
Он давно
привык к воющему безумию Варна, а
неотложность его дела не оставляла
времени
отвлекаться на что-то столь
несущественное, как потревоженные
отголоски прошлого.

День оказался катастрофой, и ему было
тяжело от мысли, что его совет --
которому его
повелитель не стал следовать -- оказался
отчасти пророческим.

Он был достаточно стар, чтобы помнить
о тех временах, когда легион, теперь
раздробленный, с гордостью носил свое
первое имя. Галактика тогда была
совершенно

иной, а его повелитель был капитаном
Легионес Астартес, а не военным
предводителем, командующим
кровавыми сбродом, как сейчас. Он
помнил волнительный трепет
надежды и возбуждения, охвативший

воинов легиона, когда флоту сообщили, что их

возлюбленный примарх найден. Они еще не знали, какой ужас за этим последует.

Был только один сын Ангрона, которому примарх по-настоящему благоволил, и он окончательно погубил легион после великого провала Ереси Гора. Мальвен советовал

своему повелителю не привлекать Предателя, но желание Аргуса Бронга уничтожить

своего противника не позволило ему прислушаться к рекомендациям.

Бронг был убежден, что если Предатель будет сражаться на его стороне, он навсегда

избавится от Таругара и его Поглотителей. Бронга объявят Избранным Кхорна, и честь

вести Кровавый крестовый поход достанется ему.

Однако Предатель оправдал свое прозвище. Когда пришло время, он не стал

сражаться

за Бронга, а исчез в темном лабиринте. Продолжая идти по следам посланников, отправившихся сюда до него, Мальвен повернул в боковой проход, что был шире прочих. Обогнув угол, он нерешительно остановился. Его вдруг охватила дрожь — несмотря на удручающе сухой жар, царивший в тоннеле Гипергеома.

Воздух изменился. Угроза ощущалась явно, как готовый разразиться шторм. Здесь, казалось, было еще темнее, и все его чувства предельно обострились. В воздухе ощущался металлический привкус — безошибочно узнаваемый запах крови.

Предатель

был близко. Следы на песке вели во тьму. Ни один не вел обратно наверх.

Подавив страх, Мальвен заставил себя двинуться вперед. Следы уходили в коридор примерно на тридцать шагов, а потом затедрялись, отражая нерешительность и

осторожность людей. Органы чувств у
предыдущих посланников не были усилены
аугментически, как у Мальвена.
Несомненно, вонь крови настигла их
только на этом

месте. Ему же страд, исходивший из
черной камеры впереди, казался почти
невыносимым.

На красном песке под ногами виднелись
пятна более темного цвета. Хотя он
чувствовал, что из темноты за ним
наблюдает злобные глаза, сенешаль
выпрямился и вошел.

Фонарь не освещал камеру полностью, и в
углах помещения чернели тени. Он никого
не

видел, но знал, что не один.

-- Господин?

Осыпающиеся колонны поддерживали
низкий потолок, и из-за них камера
походила на

склеп. С железных креплений на влажных
стенах, покрытых брызгами крови, свисали
ржавые цепи. На полу были разбросаны

части тел, словно забытые игрушки
сүтасшедшего ребенка. По виду некоторых
даже нельзя было сказать, что они когда-то

принадлежали людям, так жестоко и так
основательно над ними надрүгались. Это
была

работа бешеного монстра.

Под подошвами его сангалий чавкали
внутренности. Он прокладывал себе путь
через

останки, прикрыв рот и нос отворотом
рясы, чтобы защититься от запаха. Здесь
воняло

как на скотобойне: кровью, разорванными
внутренностями и изрүбленной плотью.

Оперевшись на одну из колонн, Мальвен
медленно повернулся на месте, напрягая
глаза

в попытке увидеть что-нибудь в тенях.

— Господин, я Мальвен Биттерспир,
сенешаль Аргүса Бронга, бывшего
капитана

семнадцатой роты.

Свет от фонаря отбросил на гальную стену кривую тень, и Мальвен, щурясь, нерешительно двинулся к ней.

-- Я здесь, чтобы попросить вас присоединиться к нам на поверхности. Был брошен

кровавый вызов. Неужели вы не натереваетесь сражаться, как поклялись?

Пятно, привлекавшее внимание Мальвена, обрело четкие очертания, когда светящийся

фонарь приблизился к стене вместе с ним. Это было оружие, прислоненное к низкой каменной платформе, которая выступала из стены.

-- Дитя кровопролития!

Ценной топор казался больше, чем он его потнил. Сколько пали ног этим страшным

оружием? Выкованный сатим Ангроном, он был величиной с Мальвена, а его зубья были

забиты обрывками плоти и покрыты запекшейся кровью.

Рядом с «Дитя кровопролития» лежало шесть черепов: четыре справа, два слева.

Мальвен протянул...

И тут он увидел его. С неподвижностью статуи сидящего на платформе, словно нагменный царь-воитель на троне. Его руки, как всегда, были обнажены, а запястья --

обмотаны цепями в подражание своему притарху-гладиатору. На нем был побитый в

боях тяжелый доспех старого образца. Увенчанный гребнем шлем лежал на песке у его ног.

Лицо Предателя скрывалось в тени, но его глаза, похожие на горящие угли, светились обещанием насилия и неконтролируемой яростью.

-- Кхарн!..

Мальвен затер, словно парализованный.

А гигант схватился за талию.

...

Немощное ничтожество боязливо делает шаг вперед. Он еще не осознает, какую глупость совершил, но скоро осознает. И он утратит, как остальные. Меня охватывает трепет предвкушения, вокруг тишина, только кровь грохочет в моих венах. Он стар и

слаб. Смерть уже готова накинуть на него саван. Ты недостойн принадлежавшего примарху топора, тонкокожий. Я убираю руку с «Дитя кровопролития». Его всегда тяжело отпускать, ибо теперь он часть меня, я не знаю, где заканчиваюсь я и начинается топор. Я медленно подвигаюсь, чтобы не спугнуть старого глупца — пока

не надо. Я смотрю ему в глаза. Он не в состоянии двигаться. Я ощущаю вкус твоего

страха, меня от него мутит. Он словно ребенок передо мной, какой-то

отвратительный юнец, выглядящий на века старше своего возраста, мне до боли хочется разорвать его на куски, но я

позволяю ненависти накапливаться. Мое
тело

охватывает дрожь. Я приближаюсь к
нему, держась в тени. У него водянистые
глаза, и

они молча утешают меня. Я держу его в
оцепенении. Ты жалок, ты воплощенная
слабость, ты мне омерзителен. Я
демонстративно смотрю на дверной
проход. Это

единственный выход. Я торгаю, и он
освобожден. Резкий выброс адреналина
выдает

его намерение. Рационально размыслив,
старый глупец понял бы, что у него нет
шансов, но ужас -- истинный ужас --
полностью лишен рациональности.

Струсливое

ничтожество бросается в бег. Это
приглашение, перед которым я не могу
устоять.

Завеса сорвана, и я отдаюсь ярости, все
красное, какое же восхитительное
облегчение -- дать ей отыть меня,

заполнить меня, стать со мной единым целым!

Это -- жизнь, одно лишь это -- истинно! Я в мгновение оказываюсь рядом с ним, его костлявое плечо вылетает из сустава, когда я хватаю его. Я швыряю его в сторону, он тяжело падает, пропахивая борозду в красном песке, и ударяется о колонну. Хруст.

Это похоже на звук ломаемых веток. Костный мозг вытекает, и новая кровь окрашивает песок, он хнычет как пленник, звук приводит меня в бешенство, я рядом

прежде, чем он успевает понять, что происходит. Я хочу, чтобы он встал и боролся, он говорит, что не может, я поднимаю его на ноги, но он падает бесформенной кучей, как только я убираю руку с его шеи. Ты не воин. Я пинаю его, и он отлетает, но

недалеко. Еще один хруст. Он сползает по стене, окровавленный и разбитый. Я опускаюсь на колени рядом с ним, а он

трясется и хватает ртом воздух, валяясь
в

пыли. Твоя смерть не принесет мне
почета. Мои руки охватывают его голову
целиком. Твой череп хрупок и непрочен. Он
говорит что-то, но я слышу лишь кровь,
грохочущую, как адские барабаны. Твой
череп не из числа тех, которые я ищу.

Кхорну он не нужен. Я надавливаю сильнее,
и его голова проваливается внутрь себя,
как гнилой фрукт. Запах отвратителен.
Я реву, «Дитя кровопролития» вновь в
моей

руке, и он тоже ревет, принятое раньше
решение не тратить оружие кровью этого
тонкокожего забыто. Я обрушиваю его на
безголовое тело, из-под поющих зубов

«Дитя кровопролития» брызжет кровь. Я
высвобождаю его, и ударяю снова, и снова, и
сно...

...

-- Господин?

Кхарн неподвижно сидел на платформе,
все еще сжатая рукоять «Дитя

кровопролития».

Со стены за его спиной свисали огромные кандалы -- такими могли удерживать могучего

зверя или существо невероятной силы. Бездонная, всепожирающая ярость плескалась в

немигающих, пылающих глазах Кхарна.

Мальвен был слугой расколовшегося легиона с самого детства. Он жил только для того, чтобы служить, и всю свою жизнь он был окружен смертью и тьмой, кто нес ее с собой.

Однако еще ни разу за все эти долгие годы не доводилось ему видеть столь неистовой жестокости и безумия, что читались во взгляде Кхарна. Абсолютная неподвижность тела

только подчеркивала ярость, бушевавшую внутри. Лишь богам было известно, что творилось за этими глазами; Мальвену же знать это совершенно не хотелось.

Тишина тревожно затянулась, но Мальвен не остеливался заговорить снова, боясь

спровоцировать Пожирателя Миров.

Кхарн с явной неохотой убрал руку с «Дитя кровопролития» и встал. Резкость движения

едва не заставила Мальвена вздрогнуть -- едва. Покажи зверю хоть малейший страх, и

оно тебя сожрет. Предыдущие посланники, очевидно, за всю свою жизнь так и не нашли

времени выучить этот урок.

Кхарн вышел под теплый свет от фонаря, и стало видно его лицо: статное, благородное --

и полностью лишенное выражения. Лишь глаза по-прежнему намекали на злобу, таящуюся внутри. Они -- и стерпевшие свидетельства дикой резни, учиненной в пещере.

Пожиратель Миров, шагая с военной отточенностью движений, начал медленно обходить

его по кругу, как если бы натеревался отрезать сенешалю единственный путь к

выходу.

Но будь даже Мальвен в расцвете сил, ему, как он точно знал, не удалось бы сделать и

шага, прежде чем он был бы пойман.

Кхарн заговорил, и его слова звучали спокойно, взвешенно; они не выдвигали его намерений.

-- Ты чувствуешь их? Души тех, кто умер на арене над нами. Они бродят здесь --

растерянные и измученные. Мне их жаль.

Мальвен ничего не ответил, будто пригвожденный к полу, а Кхарн между тем кружил

возле него, как кровавый волк, подкрадывающийся к жертве.

-- Как ты думаешь, если я убью тебя, ты присоединишься к ним?

У Мальвена пересохло во рту, но он не позволил себя запугать.

-- Я не знаю, господин.

-- Почему я не чувствую в тебе страха, сенешаль? От других ит несло.

-- Моя жизнь и так была проглена на срок,
куда больший отмерянному природой,
господин. Я не боюсь смерти.

Кхарн встал перед ним и посмотрел на
него сверху вниз этими безумными,
горящими

глазами. Он изучал Мальвена, как
изучают насекомое; заглядывал ему прямо
в душу, и

сенешалю казалось, что он уменьшается
под пронизывающим взглядом.

-- Ты жаждешь смерти, ведь так? Ты
хочешь умереть.

Мальвен открыл рот, чтобы возразить,
потом закрыл его.

-- Я живу, чтобы служить.

Даже ему самому слова показались
неубедительными; Кхарн глядел на него
без какого-

либо выражения. Мальвен опустил взгляд,
не способный удерживать зрительный
контакт.

-- Я... Я давно научился жить в мире с
самим собой.

-- Мир, -- прорычал Кхарн, позволив наметку на эмоции пробиться сквозь спокойную личину. -- Мне ненавистно это слово.

Прежде чем Мальвен успел ответить, маска равнодушия вернулась на место.

-- Значит, бой закончен?

-- Да.

-- Расскажи, как это произошло.

-- Когда выяснилось, что вы не пришли на поле битвы, большая часть боевых отрядов,

собравшихся под нашим знаменем, обратилась против нас, объединившись с Таругаром

и его Поглотителями. Нас превосходили в соотношении пять к одному -- ни у кого не было

сомнений в том, каков будет исход. Те, кто остался верен кровавой клятве, хорошо сражались, но... это была резня. Наш правый фланг стяли, и Поглотители атаковали

центр.

Благородное лицо Кхарна исказилось в презрительной устешке.

-- Таругар назвал свой отряд «Поглотителями»?

Мальвен кивнул. Кхарн покачал головой.

-- Какая заносчивость. Таругар всегда был самым слабым из них... Знаешь, он ведь ненавидел их.

-- Таругар?

-- Нет. Примарх.

Мальвен нахмурился.

-- Но Поглотители же были...

-- Ты сказал, что был брошен кровавый вызов.

-- Да, господин. Таругар и его воинство прямо сейчас летят сюда, чтобы ответить на него.

-- Кто сражается вместо Таругара? Я так понимаю, он не станет драться с Брондом сам.

-- Он выставил чемпиона, который будет сражаться от его имени. Один из его

Поглотителей -- его называют

Расчленителем.

Кхарн наклонился к уху Мальвена, и его голос упал почти до шепота.

-- А Бронг?

-- Он отказывается выступать чемпионом, господин. Он сам будет сражаться с работником Таругара.

Кхарн кивнул, будто ожидал такого ответа.

-- Он всегда был горд, этот Арзус. Упрям, как никто другой, но горд. Воин принципов. Пусть даже в ущерб себе.

-- Мой повелитель всегда поступал так, как, по его убеждению, было лучше для легиона.

-- Ты ему верный слуга, сенешаль, но легион мертв.

Мальвен прикусил язык. Он не постеснялся высказать свои мысли по этому вопросу.

Кхарн смерил его долгим взглядом.

-- Теперь расскажи мне об этом Расчленителе.

-- Опустившийся и чужовищный потомок Сангвиния. Я не знаю, как получилось, что он

сражается за Таругара, но он опасный противник -- так мне говорили. Сегодня он убил

множество Пожирателей Миров, а также сотряс смертных лютых.

Рассказывают, что

он обескровил их.

-- Хм... Бронг может его победить?

Мальвен ответил не сразу, стыдясь озвучивать свои мысли. Они казались неподобающими верному слуге.

-- Я не уверен. Даже если он победит, я сомневаюсь, что Таругар уступит ему.

-- Как и я. Он всегда жаждал власти сверх той, которой был достоин.

Мальвен заметил, что Кхарн на мгновение задумался. Его полное отсутствие эмоций

тревожило, но он вдруг указал на черепки разложенные у каменной платформы.

-- Собери их.

Мальвен сначала подумал, что они принадлежали посланникам, которых отправляли к

Кхарну в течение дня, но теперь он видел, что они были слишком велики. Это были человеческие черепа, но больших размеров. Черепа костических десантников, понял

Мальвен. Они были разложены в соответствии с каким-то ритуалом.

Кхарн передал ему сеть, сплетенную из толстых переплетенных волокон, и Мальвен

опустился на колени, не обращая внимания на свои протестующие суставы и кровь на грязном полу, начавшую пропитывать полы его рясы.

Он разложил сеть на песке и начал с осторожным почтением складывать на нее черепа, один за другим. Они были тяжелые, будто отлитые из железа. Кости костических

десантников были куда плотнее костей мертвых. На некоторых из них были следы

насилия, указывавшие на причину смерти.
У одного наг глазницами были
красноречивые

порезы, которые могло оставить только
ценное оружие, а скулы другого до сих пор
усеивали почерневшие от огня осколки
шрапнели.

Мальвен не задерживался на этих
страшных деталях. Он соединил углы сети
и крепко

связал их. Ему ни за что бы не удалось
поднять все шесть черепов, но Кхарн
перекинул

их через плечо, будто они вовсе ничего не
весили. В другой руке он нес «Дитя

кровопролития», а его шлем висел на поясе
рядом с украшенным плазменным
пистолетом из черного железа.

— Меня удивляет, что Бронг отправил
тебя сюда. Я не думал, что гордость ему
это

позволит.

— Он меня не отправлял. По правде говоря,
он запретил мне вас разыскивать.

-- У тем не менее ты здесь.

-- Я здесь.

-- Ты странное создание, сенешалъ.

-- Меня называли и худшими словами.

Кхарн посмотрел на него немигающим взглядом.

-- Скажи мне, где будет проходить это состязание.

-- Значит, вы собираетесь сражаться, господин?

-- Посмотрим.

...

Мальвен и Кхарн вышли из темноты Гипергеома под палящий красный свет, и тут же

волны опьяненной кровью толпы обрушились на них, как физический удар. Оглушающие

звуки сопровождал грохот грома, когда изломанная линия алой толпы рассекала горящее

небо. Жара на поверхности демонического мира была невыносима, и легкие Мальвена

горели при каждом натужном вдохе. Он
прикрыл глаза от слепящего света и ахнул
про
себя.

Перед ним лежал ад, во всем его
ужасающем величии. Над его головой
бурлил и

клокотал живой варн, заполняя собой все
вокруг. Он перегружал все чувства и
разрушал

разум всякого, кто долго смотрел на него.
Небо покрывали сводящие с ума спирали
фиолетового и красного -- вихрь жидкого
пламени, кипящего страхом, ненавистью и
страстью. Эти материализованные
эмоции сливались друг с другом, словно
разноцветные масла в размешанной воде,
извиваясь как змеи.

Немигающее око из грожащего адского
пламени, чья разумность не вызывала
сомнений,

сияло в центре безумия, как разлом в
нереальном пространстве. Оно смотрело с
высоты

на изрытые взрывами пүстоши
демонического мира, излучая злобную,
неизмеримую по

силе ярость, которая вызывала в
Мальвене желание убивать.

Его рука обхватила рукоять меча,
висевшего на боку, и ему потребовалась вся
сила воли, чтобы не обнажить его и не
отдаться под власть грубых порывов.

Вокруг наклонного выхода из Тунергеома
толпились воины, покрытые запекшейся
кровью. При виде Кхарна, показавшегося из
темноты, они застучали оружием, и
затопали, и наполнили воздух ревом.
Некоторые не были так сильны духом, как
Мальвен, и

радостные крики усилились, когда из
стертельных ран полилась свежая кровь,
заливая

тесно стоящих солдат. Громче загрелили
барабаны, и были высоко подняты знамена,
увешанные головами убитых чемпионов --
чтобы Кровавый Отец мог их увидеть.

Когда-то многие из этих существ были

простыми смертными, другие
недолюбьи или
чем-то вовсе нечеловеческим, но всех их
извратило и исказило за время,
проведенное в
варне. Некоторым уже вовсе не было нужно
вооружение, ибо их тела стали живым
оружием. Цные мутировали так сильно,
что невозможно было определить, как они
выглядели, когда были смертными.

Они толкались и давили друг на друга,
борясь за место. Упавших безжалостно
затаптывали, но их крики тонули под
воплями товарищей. Запах, что они
распространяли, вызывал тошноту и
сбивал с ног: острая животная вонь едкого
пота, застоялой крови, гноящихся ран и
куда более худших вещей.

Кхарн шел впереди Мальвена. Он не
замедлил шаг, когда приблизился к
многолюдной

толпе, не сделал угрожающего жеста и не
поднял оружия. И тем не менее толпа
раступилась перед ним: первобытный

страх и инстинкт самосохранения
пробивались

сквозь туман свирепого угара. Они
проливали кровь, сражаясь друг с другом в
стремлении убрать с его пути.

-- Держись рядом.

Мальвену не нужно было об этом
напоминать. Его в мгновение раздавят
на смерть, если

он останется в этой толпе один. Кхарн,
может, и возвышался над всеми воинами
из

беснующейся толпы, кроме самых рослых,
но Мальвен рядом с ними казался
карликом.

Он прибавил шаг, чтобы не отставать от
Пожирателя Миров.

...

Они поднимались по крошащимся
каменным ступеням; Кхарн перешагивал
сразу через

три за раз, а Мальвен тяжело полз за
ним.

И вот они оказались над омерзительными

толпами нелюдей. С новой точки обзора сенешалю открылся ясный вид: они стояли на ступенях древней и исполинской каменной

арены -- останков цивилизации, погибшей и забытой еще до того, как мир был поглощен

Оком Ужаса. По сути это были развалины, но до сих пор величественные и грандиозные, возвышающиеся над раскинувшимися вокруг горящими равнинами и руинами города, чье имя потерялось в веках. В период расцвета город, должно быть, занимал собой все вокруг.

На крутых ярусах арены бурлили массы кричащих последователей Кровавого Бога. Их

было неисчислимое множество, но даже эти толпы казались незначительными в сравнении с ордами, растянувшимися на пустошах за пределами арены. Таково было объединенное воинство, принесшее клятву

верности либо повелителю Мальвена,
Арзусу

Бронгу, либо его противнику, Таругару, а
его солдаты были наградой, которую
получит

победитель в грядущем испытании.

В центре арены находился открытый
участок с песком, казавшийся безумно
крохотным в

сравнении с остальным сооружением, и все
же насчитывавший более ста метров в

диаметре. В середине одиноко стоял воин,
и толпа восторженно кричала ему, а
рядом с

ним полукругом выстроился десяток
костогесантников Хаоса в красной броне --
единственные костогесантники подобного
рода поблизости.

Мальвен узнал своего повелителя -- Арзуса
Бронга.

-- Хвала истинным богам...

Пока они с Кхарном шли по тоннелям
Гипергеома, он ужасно боялся, что гүэль
уже

началась. Если бы это случилось, прервать ее уже было бы нельзя.

С небес дождем полились сгустки жидкого огня. Они падали на красный песок арены ишипели, испаряя влагу под собой, но Бронд неподвижно стоял, сложив руки на груди.

Даже с такого расстояния Мальвен видел, в каком настроении его повелитель. Он был

зол и раздражен из-за необходимости ждать. Ему, должно быть, была неприятна напыщенная претенциозность всего этого мероприятия. Бывший капитан Пожирателей

Миров надеялся сразиться с Таругаром на поле боя, но Мальвен знал, что этого ни за что

не допустят. Вражеское войско превосходило числом армию его повелителя еще до

того, как Кхарн отказался в этом участвовать, и их воины начали переходить на сторону

противника. Таругар не стал бы

сражаться с Брондом в честном бою, понимая, что поражение лишит его всего, а победа ничего не принесет. Подозрения Мальвена подтвердились: Таругар наблюдал за разворачивавшейся битвой, сидя в безопасности на своем боевом корабле, висящем на низкой орбите над демоническим миром. И он готовился лично спуститься на поверхность только сейчас, когда верил, что победа ему обеспечена.

Огромные кибернетически модифицированные стражники с алебардами высотой в три человеческих роста отошли в сторону, чтобы дать Кхарну и Мальвену пройти, и они ступили на арену.

Сенешаль заметил, что его повелитель посмотрел в их сторону и перекинулся шуткой с

одним из своих легионеров: верный признак

того, что он доволен и уже обдумывал, как
на

нем отразятся эти новые
обстоятельства.

У Бронга было широкое, квадратное лицо -
жесткое, но не грубое. Покрытая алыми
шрамами кожа была испачкана кровью и
местами почернела от копоти, а на
залитом

кровью доспехе появилось несколько новых
царапин и темных пятен от взрывов.

Мальвен сделал себе мысленную пометку
связаться с оружейником, когда решатся
все

вопросы. А потом задумался, понадобится
ли это.

Поверх красного доспеха повелитель
Мальвена носил блестящую кольчужную
мантию, а

на поясе у него висело два силовых меча.
На спине был закреплен топор, который он
берег все эти темные годы, еще с осады
Терры.

Когда они приблизились, Бронг бросил на

Мальвена короткий взгляд, слегка приподняв

одну бровь. Сенешаль склонил голову и прошептал к своему повелителю. Кхарн остановился перед военным предводителем. Он не стал кланяться или опускать голову в

приветствии, лишь немигающе уставился в глаза Бронга.

Он не был таким высоким, как военный предводитель, и не таким широким, но излучаемые им сила и уверенность заставляла их казаться равными. Его лицо было

непроницаемо. Бронг не отвел взгляда, и Мальвен облизнул губы, не уверенный, чем закончится это противостояние. Он обрадовался, когда Кхарн прервал молчание,

произнес своим по-странному сдержанным тоном:

-- Таругар уже идет?

Кхарн не считал нужным как-либо объяснять свое отсутствие во время предыдущей

битвы.

Мальвен видел, что его повелитель в ярости, но он знал хозяина достаточно хорошо,

чтобы понимать: тот не позволит себе упустить этот шанс под влиянием гнева.

-- Угет.

-- Тогда я хочу сражаться вместо тебя, если позволишь.

Бронг выдал из себя улыбку.

-- Это будет честью для меня, брат...

-- Я сражаюсь не ради твоей чести. Есть черепя, которые я поклялся принести в жертву

Кхорну и которые я не позволю забрать кому-либо другому.

Мальвену было очевидно, что его повелитель из-за всех сил старается сдержать гнев.

Кхарн, казалось, этого не замечал.

-- И я тебе не брат. У меня нет братьев.

Между ними повисла неловкая тишина, хотя толпа вдалеке продолжала шуметь.

-- Что ж, в любом случае, я тебе благодарен, -- Бронг кивнул в сторону Мальвена. -- Как и тебе, сенешаль, несмотря на твое неповиновение.

Мальвен поклонился. Вновь подняв голову, он заметил, как что-то мелькнуло в небе.

К поверхности арены спускался десантный корабль. Мальвен указал в адское небо.

-- Повелитель.

-- Наконец-то. Таругар явился.

...

Штурмовой трап изукрашенной «Грозовой птицы» тяжело опустился на песок, и из транспорта вышел широкоплечий воин. Собравшиеся боевые отряды отметили его появление ревом, который заглушил шум двигателей.

Таругар был массивным, исполинских размеров воином -- жестоким, кровавым убийцей.

До Скалатракса он был главным среди Поглотителей, телохранителей Ангрона, и сейчас

носил терминаторский доспех элиты
разрушенного легиона. Над его огромными
плечами

выступали шипы, украшенные черепами и
шлемами выдающихся противников.
Кирасу

обтягивала выделанная, дубленая
человеческая кожа, напоминавшая старый
пергамент.

Гротескно искаженное лицо в центре
принадлежало капитану Имперских
Кулаков -- врагу, которого Таругар зарубил
на стенах Императорского Дворца.

Потом небольшой группы Пожирателей-
берсерков его сопровождала свита из
военных

главарей. То были самые
привилегированные и могущественные из
всех, кто принес ему

кровавую клятву. Огромные армии,
которые они с собой привели, превосходили

Пожирателей Миров в соотношении
многих тысяч к одному, и большинство из
тех, кто

заполнял сейчас древнюю арену и
окружающие равнины, подчинялись им.

Их было семеро, и они представляли собой
пеструю, разнородную компанию, идеально
отражавшую многообразие воинства,
собранного под знаменем Пожирателей
Миров.

Отщепенец куклы Механикум,
закутанный в робу и нагвинувший капюшон,
сверкал

красными кластерными очками и
покачивал механогендритами. Рядом с
ним стоял

варварского вида ксенос-гуманоид; в его
облике ясно сквозило что-то птичье, а на
шее

висело ожерелье из человеческих пальцев.

Ангелоподобный светловолосый ребенок со
зловещими, абсолютно черными глазами

парил в паре метров над землей и
наблюдал за происходящим своим
демоническим

взглядом.

Хмурый генерал-предатель от имперской

звардши прятался за спиной полностью
бескожей женщины, на лице которой была
маска, сшитая из человеческой плоти, а в
руках -- объятый синим пламенем
демонический меч.

Сбоку от них перетинался искусственно
выращенный король-гладиатор с гривой
косичек и

многочисленными кибер-имплантатами,
выходившими из шеи и плеч.

Наконец, немного в стороне от прочих
стоял безликий костюгесантник Хаоса,
облаченный в сине-зеленую броню с
изображениями извивающихся змей --
символом

Альфа-Легиона.

Одних привлекали обещания миров и
систем, ждущих завоевания. Других --
жажда мести

Империяту, который, как они считали,
погвел и предал их. Огнители гвизгала
простая

надежда на резню. Другими --
обязательства демонических договоров и

клятв,

принесенных на крови. Все они пришли
сюда вместе, чтобы стать частью силы,
что

обрушится на Империум Человека, и они
поклонятся в абсолютной верности тому,
кто

сегодня победит, кем бы он ни был.

Но один из этой процессии чудовищ
внушал особый страх. Он был известен
просто как

«Расчленитель».

Таругар держал в своих массивных
латных перчатках, шипастых на тыльной
стороне,

тяжелую цепь из темного железа, чьи
перекрученные звенья крепились к
бронзовому

ошейнику выставленного им чемпиона.

Монстр являлся скорее животным, чем
человеком, и он натягивал удерживавшую
его

цепь, брызжа слюной и рыча. Он тоже был
Астартес-предателем, но только это

было

навшее существо, с покрасневшими глазами и внавшими щеками. Его соломенного цвета

волосы были глиняными и спутанными, и оно растягивало бледные губы в оскале,

обнажавшем испачканные кровью острые зубы, среди которых выделялись необычайно

углубленные клыки.

Он носил черную силовую броню, испещренную боевыми отметинами и грязную от крови

и ошметков плоти. Левый наплечник был покорен: с него неаккуратно срезали символ

органа. Однако Мальвен знал, что это был генный потомок мертвого притарха -- Сангвиния.

Сыны Кровавого Ангела когда-то свысока смотрели на Пожирателей Миров, считая их

лишь бешеными, дикими зверьми. Урония, заключающаяся в том, как неуместно

теперь

было это презрение, заставила Мальвена улыбнуться.

Военачальник и его причудливая свита остановились. Бронг поприветствовал противника кивком.

-- Таругар.

Таругар выглядел мрачно.

-- Что здесь делает Предатель? Это вероломство!

-- Вероломство, брат?

-- Ты сам вызвался, Арзус Бронг. Ты не можешь поставить другого сражаться после того, как вызов был принят.

Расчленитель заговорил. У него был четкий и благородный голос, совершенно не сочетающийся с его обликом.

-- Мне все равно, с кем из них сражаться.

-- Молчать, тварь!

Мальвен выступил вперед, удивленный собственной смелостью.

-- У моего повелителя есть право

выставить вместо себя чемпиона -- так же, как сделали

вы, лорд Таругар. Он выставил Кхарна!

Таругар бросил на Мальвена короткий взгляд, не скрывая презрительного выражения.

-- Ты теперь позволяешь лукавому червю говорить от своего имени, Бронг? Ты недостойн

права командовать.

Бронг указал на рычащего Расчленителя.

-- А ты тараешь честь Легиона, позволяя подобному существу сражаться в собственных

битвах. Это позор!

-- Легион мертв! Предатель, что стоит рядом с тобой, уничтожил его!

На них опустилась тишина. Сердце Мальвена пропустило удар. Он рискнул

стороню Кхарна.

-- Ты погиб бы в тот день, «Поглотитель», если бы не сбежал как трус. Обнажи свое

оружие, и ты исправил это недоразумение.

Таругар вспыхнул, но не ответил. Он потянул за железную цепь.

— Богу Крови нет дела до происхождения Расчленителя, и мне тоже. Он убивает во имя

Кхорна, ничто другое не имеет значения!

— Так давай же отойдем в сторону, брат мой, и пусть наши чемпионы укажут нам его

волю.

— Нет! Я соглашался на эту дуэль, не зная, что вместо тебя будет сражаться Предатель!

Мальвен вливался, сказав ледяным тоном:

— Это не имеет значения, лорд Таругар, вызов был брошен, и вы его приняли.

Таругар ткнул в сторону Мальвена рукой в тяжелой силовой перчатке.

— Молчи, червь! Если я услышу еще хоть слово от тебя, я отрежу твой ядовитый язык!

-- Не отрежешь. Мой сенешаль прав.

Таругар заскрипел зубами и указал на арену:

-- Твое воинство уничтожено, Бронг. Ты побежден, ты не в том положении, чтобы бросать

мне вызов! Все эти воины до единого -- твои, мне нет нужды тратить время на эти

глупости, мне достаточно лишь отдать приказ, и ты утреши!

-- Ты нарушишь слово? Кровавый Отец смотрит на нас, как и те, кого ты собираешься

повести на войну во имя его! Думаешь, они последуют за тобой, если ты сейчас

отступишь перед вызовом?

Таругар сжал кулаки. Он понимал, что загнан в угол -- Мальвен видел это. Страстное

желание увидеть, как Бронга убьет его бешеный чемпион, взяло верх над

осторожностью. Бүдь Мальвен советником Таругара, он бы

порекомендовал ему

проигнорировать вызов и уничтожить противника в бою, а не рисковать с дуэлью.

К

счастью, недалекый военачальник не получал хороших советов, или же вовсе не стал

обращать на них внимания.

-- Тебе следовало преклонить колени, когда я предлагал пощаду, Арзус Бронг. Может быть, я дал бы тебе какую-нибудь почетную должность. Теперь тебе не на что

рассчитывать.

Бронг лишь улыбнулся в ответ. Кхарн выступил вперед, опустив мешок с черепами на землю.

-- Довольно. Терпение Кровавого Бога заканчивается. Как и мое.

Он снял с пояса свой украшенный широким гребнем шлем и опустил его на голову.

Пневматические затки зашипели, когда шлем закрепился, и изумрудно-зеленые

линзы

вспыхнули внутренним огнем.

Надев его, он полностью изменился.

Мышцы напряглись, дыхание ускорилось.

Когда он

заговорил, из вокс-передатчика раздалось

зловое, звериное рычание.

— Пора.

— Так и быть! Как только Расчленитель

покончит с твоим Предателем, я спущу

его на

тебя, Бронг.

— Ты не хуже меня знаешь, что этого не

случится.

Мальвен не разделял уверенности своего

повелителя. Да, он был достаточно

наслышан

о репутации Предателя, но он также

видел Расчленителя в бою, сегодня. Это

был ужас из

лезвий и когтей, клыкастый убийственный

стерч со сверкающими дикими глазами.

Исход

был отнюдь не очевиден.

По знаку Таругара вынесли оружие
Расчленителя -- огромную вещь, ценную
глефу

длиной более двух метров. Ее загнутые
зубья все еще были забиты кусками плоти,
оставшимися после сегоднешней битвы.

-- Тварь! Бери свое оружие! Вперед!
Убивай!

-- Как... тебе угодно...

Собравшиеся на песках арены встали
кругом, и рев толпы усилился.
Расчленитель взял

предложенное оружие и вступил в круг. Он
начал ходить взад и вперед, волоча по
земле

наконечник глефы и ни на секунду не сводя
с Кхарна немигающего взгляда налитых
кровью глаз.

Кхарн вошел в боевой круг без каких-либо
церемоний. Расчленитель опустил в
низкую

стойку, вновь оскалившись и зашипев, и его
ценная глефа с рычанием ожила. Топор

Кхарна ответил тем же. Его рычание

было ниже, грубее. Оно рассказывало о
мастерстве

своего создателя, ибо это легендарное
оружие было выковано самим примархом
Ангроном.

...

Ярость обрушивается на меня, словно
лавина. Я приветствую ее. Грохот,

...

раздающийся из моей груди,
присоединяется к вою разъяренного цепного
оружия. Я

атакую. Ничто другое не важно. Враг
силен и быстр, но я тоже. Лезвия наших
оружий

сталкиваются. Я разорву тебя на куски,
монстр. «Дитя кровопролития» борется с

его глефой, зуб к зубу, а я борюсь с тем, в
чьих руках она находится. «Дитя

кровопролития» ревет, и я реву. Наши
оружия заставляют нас отскочить друг
от

друга, но мы снова бросается в бой. Он в
том же исступлении, что и я. Это

озлобленное и дикое создание. Я чувствую, что на нем лежит благословение Кхорна.

«Дитя кровопролития» разрывает его мышцы и пробует на вкус его кровь. Это его не

убьет. Он задевает меня в ответ, оставляя порез на руке. Я отбрасываю шлем в

сторону. Я тоже расчленитель. Я расчленю тебя, самозванец. Мы обмениваются

ранами, кровь брызжет на красный песок, как дождь. Ни у одного из нас нет и мысли об

обороне, состязание не продлится долго, каждый удар калечит, кромсает и

разрубает. Дождь превращается в ливень. Мы с тобой почти равны. Я сознательно подставляюсь под его очередной удар, чтобы получить возможность нанести свой.

Мой действенней. Его ценная глефа пробивает броню и впивается в сросшиеся ребра.

В ответ я отнимаю у него одну руку. Он набрасывается на меня прежде, чем конечность касается песка, никаких шагов назад, клыки у моего горла. Я отшвыриваю его в сторону, и он забирает с собой кусок моей плоти. Теперь он меня распробовал, но это не имеет значения. Чтобы управляться с его оружием, нужны две руки.

Последний раз наши лезвия сталкиваются в безумии завершающих атак. «Дитя кровопролития» глубоко взрывается, и его лицо исчезает под древними зубьями, перемолотое до неузнаваемости. Он падает. Еще не все. Ярость не утолена. Я влетаю в толпу стоящих рядом ничтожеств, бывших когда-то моими братьями, режу и рублю, теперь кровь льется рекой. В этом -- сама сущность бытия, в этом -- всё, я --

Восьмеричный Путь! Таругар гибнет от моего топора, Бронг тоже, я сражаю сенешаля и оставляю его истекать кровью

на песке и хвататься руками за
внутренности. Я бы пощадил его, если бы
этот глупец не коснулся своими руками
«Дитя кровопролития», когда пытался
спасти своего дорогого хозяина. Остальные
отступают. Это лишь сильнее распаляет
меня. Все красное, я уничтожу их всех!

...

Кхарн молча стоял. Судя по его виду, он
оценивал Расчленителя в ответ.

Таругар прокричал, перекрывая звалт:

— Раз уж ты позволили Предателю
даться, пусть это хотя бы будет честное
состязание!

Прикажи ему убрать «Дитя
кровопролития»!

Мальвен хмыкнул. Это была отчаянная
придирка, но прежде чем сеньшаль успел
выразить напешку, Кхарн ответил:

— Хорошо. Дай мне оружие, которое
сочтешь подходящей затею.

Таругар махнул рукой в сторону одного из
своих Пожирателей, покрытому шрамами

ветерану с двуглавым полаксом за спиной.

-- Дроган! Дай Предателю свое оружие.

Названный берсерк потянулся к полаксу, но военный предводитель остановил его, хищно улыбаясь.

-- Твой меч, Дроган! Дай ему меч!

Пожиратель Миров, Дроган, отстегнул короткий меч, прикрепленный к поясу, и бросил его

в круг. Кхарн поднял его и вынул клинок из простых кожаных ножен. Меч был выкован из

обычной темной стали; у него было широкое лезвие и плоская рукоять.

Рокочущий слух Таругара подхватила часть его свиты.

-- Этот глупец уже готов праздновать победу...

Бронг вышел вперед.

-- Это оскорбление!

Он попытался отстегнуть собственный топор, но к удивлению Мальвена, Кхарн

покачал

головой.

-- Нет, -- он крутанул короткий меч в руке, притериваясь к весу оружия. -- Он подойдет.

Мальвен бросил на своего повелителя встревоженный взгляд. Военачальник пожал

плечами.

Кхарн подошел к границе круга и положил «Дитя кровопролития» на горячий песок у ног

Мальвена.

-- Только прикоснись к нему -- и умрешь.

Расчленитель все еще пристально смотрел на Кхарна, сунув глаза, и ловил каждое его

движение, пока тот возвращался в центр боевого круга.

Кхарн остановился, разминая огромные мускулистые руки и шею. Он поманил зверя:

-- Вперед. Время проливать кровь.

-- Кровь!

Расчленитель метнулся вперед с криком, полным животной ярости. Монстр был быстрым, сверхестественно быстрым, и, казалось, вовсе не касался земли при беге.

Мощная

цепная глефа оглушающе вопила, жаждая крови не меньше своего хозяина, и

Расчленитель занес ее над головой и опустил по смертоносной дуге. Кхарн даже не

попытался уклониться от удара, или уйти в сторону, или поднять оружие, чтобы

блокировать мощный удар. Едва Расчленитель издал ужасающий боевой клич, он

крутанул меч, взял его обратным хватом в левую руку и в последний момент упал на одно

колени. Вращающиеся острые зубья цепной глефы пронеслись сквозь воздух в считанных

миллиметрах от его лба, когда он ушел от удара вниз. Прежде чем Расчленитель

успел

развернуться для второй атаки, Кхарн
поднялся и, используя импульс подъема,
вознагл

меч в голову Расчленителя. Упершись
правой ладонью в навершие рукояти, он
направил

меч глубже, налегая на него всем своим
весом. Кхарн взревел и повернул рукоять
так

резко, что лезвие отлопилось, оставшись
в черепе противника.

Расчленитель был уже мертв, когда его
тело упало на землю. В безжизненных
глазах

застыло недоуменное выражение.

На арену опустилась тишина.

Все это произошло в течение нескольких
ударов сердца, и Мальвен был потрясен

невероятной простотой и жестокостью, с
которой был убит Расчленитель. Это

одновременно ужасало и восхищало, и он
выдохнул — только сейчас заметив, что

задерживал дыхание, — когда осознал, что

Бронг победил.

Свита Таругара осторожно понялась от своего повелителя. Его лицо побледнело, а

глаза, которые он не сводил с трупа, были широко распахнуты. Со сломанного лезвия, погруженного в череп Расчленителя, на песок капала кровь.

Таругар поднял взгляд на Бронга, и потрясение, написанное на его лице, превратилось в

бешеный гнев.

Толпа вновь напятила о себе; на стени тихому бормотанию пришли дружный хор и

возгласы, полные возбуждения от вида крови, пролитой во славу Кхорна.

Бронг вошел в круг, жестоко улыбаясь, и прошагал к Кхарну.

-- Тебе следовало преклонить колена, Таругар. Может быть, я дал бы тебе какую-нибудь

почетную должность.

Пожиратели Миров, верные Таругару,

были напряжены, и даже главари армий
чувствовали себя неуютно. Некоторые
среди них птичий ксенос и гладиатор
явно

хотели сражаться, но другие, включая
гвардейского командира-отступника, судя
по их

виду, предпочли бы в этот момент
находиться в каком-нибудь другом месте.

Альфа-

легионер же выглядел так, будто
происходящее его совершенно не касалось.

На висках и шее Таругара вздулись вены,
зрачки резко расширились. Его лицо

покраснело, а когда он оскалился, в углах
рта появились капли белой пены.

Мальвен узнал эти признаки и тихо
выругался.

-- Не делайте этого, лорд Таругар! Ваш
чемпион мертв, воинство по праву
принадлежит

Арзусу Бронду.

Но он видел, что Таругара уже было не
остановить. Церебральные имплантаты

наполняли его чистой, незамутненной яростью. Гвозди мясника были наследием Ангрона, оставшимся его расколотову легиону и извращенным десятью тысячами лет

непрекращающейся войны.

-- Убейте их! Убейте всех!

Все присутствовавшие Пожиратели Миров -- как верные Бронду, так и те, что были в

свите Таругара, -- мгновенно оказались с оружием в руках и нацелились друг на друга из

пистолетов и комбиболтеров. Ценные топоры рычали и ревели, а толпа на арене требовала крови.

Сердце Мальвена тяжело стучало в груди, а в глазах краснело. Собственный организм

призывал его к убийствам, ибо даже он, старый прислужник, частично разделял собственную Пожирателям жажду крови.

Это был бы не первый раз, когда Пожиратель Миров убил бы Пожирателя

Миров, но ни

одна сторона не выражала желания
начать кровопролитие, несмотря на
призыв Таругара.

Мальвен знал, что достаточно лишь
одной искры, чтобы разразился огненный
шторм. Не

дуглая, он встал между двумя группами и
припугнувшие поднял руки.

-- Остановитесь! Воинов бывшего легиона
и так слишком мало, не разбрасывайтесь
своими жизнями столь опрометчиво!

Варн бурлил над их головами, ожидая --
жужжащая? -- нового кровопролития. Мальвен
подозревал, что верен последний вариант.

Кхорну будет все равно, если легион,
посвятивший себя ему, окажется
уничтожен. В этом Мальвен был уверен.

Жестокого бога

удовлетворит лишь льющаяся кровь.

-- Придержите ненависть для настоящего
врага!

Но он чувствовал, что, несмотря на все
его мольбы, они уже зашли слишком

далеко.

Таругар закричал на своих воинов, пнув в их сторону песок и пыль:

-- Запуганные ничтожества! Вы позорите Кровавого Отца своей трусостью!

Мальвен задал: неужели нужно просто утолить жажду Кровавого Бога, чтобы стать

достойным его покровительства? Неужели у Таругара было право на это?

Бронг достал пистолет, и сенешаль увидел, что теперь и его повелителя хватывало

стремление убивать. И тогда он понял, что любые попытки удержать этих убийц от

дальнейшего кровопролития бессмысленны. Брат убьет брата, здесь и сейчас, осознал Мальвен, и он был не в силах это предотвратить. А может, у него не было на это права.

Таругар широко раскинул руки яростным движением, и из ножен в его наручах выскочили

изогнутые лезвия. Резкого треска
ионизации, возникшего, когда
электричество пробежало
по молниевым когтям военного
предводителя, оказалось достаточно,
чтобы положить
конец бездействию Пожирателей, и на
арене разразилась битва, к нечестивой
радости
толпы.

Птичий ксенос атаковал первым. Издав
нечеловеческий пронзительный крик, он
прыгнул

вперед и вонзил загнутое лезвие своей
длинноствольной винтовки в грудь одного
из

воинов Бронга. Кхарн с молниеносной
быстротой достал собственный пистолет
и

испарил голову создания сверхнагретым
шаром плазмы. Он пронесся через круг и
схватил «Дитя кровопролития»,
лежавший на песке перед Мальвенот,
отчего старик

слезка вздрогнул, несмотря на облегчение, которое испытал, увидев, что чемпион присоединился к сражению.

Но затем еще один из Пожирателей Миров Бронга погиб -- когда Кхарн взмахнул

топором. Он прорубил силовую броню, плоть и кость, разрезая воина от латного воротника до грудины, и вызвал ливень измученной плоти и темно-красной крови.

-- Предатель...

На мгновение Мальвена парализовал страх, но он быстро осознал, что ему не следовало

так удивляться. Вовлечение Кхарна в эти дела было рискованным маневром, однако он

почти было решил, что это сработало...

Мальвен упустил свирепого берсерка из виду, когда воздух вдруг наполнил глухой лай

болт-пистолетов, и несколько Пожирателей Миров упало. Один выстрел

угодил Аргусу

Бронгу в плечо, отбросив на шаг назад, но
его спас изгиб наплечника. Масс-
реактивный

снаряд не сумел пробить доспех, лишь
слегка задел его и сдетонировал, не
причинив

вреда.

Пожиратели Миров вокруг Мальвена
бүшевали, переполненные жаждой крови,
ценные

лезвия ревели. Он выронил посох, и тот
быстро исчез под ногами.

-- Назад, Мальвен.

Бронг загвинул старика себе за спину. Он
в упор выпустил весь боезапас пистолета в
наступающих врагов, после чего бросился
на них с гвүтя мечами в руках.

Несколько главарей из свиты Тарүгара
отступали к «Грозовой птице», надеясь в
ней

спастись, но прочие присоединились к
схватке.

Пожирателя Миров разорвало на части

от одного лишь жеста черноглазого
демонхоста, и

ребенок улыбнулся со злобной
жестокостью, совершенно не сочетающейся
с детским

обликом, когда увидел очередную жертву.
Таругар свирепствовал в центре бури; его
когти разрезали все на своем пути, когда
он

бросился к Аргусу Бронгу. Он проломился
через толпу, как обезумевший от жажды
крови

сгжаггернаут, снося воинов с дороги массой
своего терминаторского гонимца, и
казалось, что никому его не одолеть.

Бронг перерезал горло ревущему берсерку,
одновременно отбивая в сторону

направленный в живот мощный удар
другого противника вторым зазубренным
силовым

мечом. Он дал волю своей ярости при
ответной атаке, опустив меч на голову
противника.

Клинок глубоко вошел в голову, пройдя

через кератит, кость черепа, мозг и челюсть.

Мальвен слабо вскрикнул, когда на него брызнула горячая кровь легионера, и упал на

колени в песок. Его повелитель встал перед ним, защищая его.

Он ушел вниз от яростного широкого взмаха, крутанул мечи и отрезал ноги своему

неудавшемуся убийце; прикончил взывшего берсерка парой идущих вниз вынагов и

отбросил тело в сторону носком бронированного сапога.

Бронг поднял Мальвена с земли легко, словно ребенка, и вытолкнул его из сражающейся

толпы, после чего атаковал очередного вражеского воина. Мальвен попытался бежать, но

оступился и упал на колени. Оглянувшись, он увидел, как гигант-Таругар выходит из мешанины тел и устремляется к его

повелителю.

-- Господин!

Бронг метнулся в сторону, едва Таругар
взмахнул когтями. Но они все же сумели
оставить на нагруднике глубокие порезы,
и Бронг зарычал: они глубоко ранили его,
пройдя поперек сросшихся ребер. Таругар
последовал за ним, сопровождаемый
шипением крови, вскипающей на
охваченных молнией когтях. Сидящий на
песке

Мальвен, будучи не в состоянии отвести
взгляд от их боя, сжался и затрясся,
несмотря на
жару.

Бронг повернулся и отступил, парирова и
отражая атаки Таругара, но очередной
обманный выпад когтем оторвал ему
левый наплечник и оставил алую рану на
плече.

Однако он не позволил этому поколебать
его решимость, лишь вскрикнул от боли и
яростно атаковал в ответ; его мечи
двигались слишком быстро, чтобы

облаченный в

тяжелую броню Таругар успевал
отвечать. Он оставил на
терминаторском доспехе с

десяток порезов, ранив до крови в
некоторых местах, но броня защищала
Таругара от

более серьезных повреждений.

Бронг направил режущий удар в лицо
массивному военачальнику, но Таругар
поймал

меч между лезвиями левого когтя и
повернул запястье, чтобы удержать его.
Возник

ослепляющий разряд, когда два силовых
ядра среагировали друг с другом, а потом
Таругар разбил клинок Бронга свободной
рукой.

Бронг покачнулся, но его противник не
дал ему времени собраться; он шагнул к
нему и

обрушил кулак на его грудь, прогнув броню
и вонзив в тело все четыре когтя.

Мальвен отчаянно вскричал, увидев это.

Раненый предводитель соскользнул с
козтей и

упал на землю; на его губах пузырилась
кровь. Удар мог быть и не смертельным:
очевидно, его второе сердце еще билось, и
будь у него время, гиперкоагулянты в крови
закрыли бы раны...

Бронг поднял взгляд на своего врага и
сумел выгавить болезненную кровавую
улыбку.

Таругар недоуменно нахмурился.

Кхарн с рыком врезался в военачальника со
спины, и «Дитя кровопролития» глубоко
впилось воющими зубами в заднюю часть
ноги Таругара, разбрызгивая на землю
арены

кровь и осколки керамики. Он не упал от
удара, но пошатнулся и, резко
развернувшись, разрезал воздух
толстыми когтями.

Кхарн избежал их прикосновения, ловко
обогнув своего тяжеловесного врага, и
направил

еще один удар в ту же ногу, в уже

поврежденную часть наголенника. Таругар
завыл в

агонии и рүхнүл на землю; его нога была
почти полностью отсечена. Кхарн
мгновенно

оказался на нем, лишив массивного воина
возможности подняться, и коленом прижал
один молниевый коготь к земле. Он
затахнул ся топором, намереваясь нанести
последний удар и отрубить голову
противнику. Таругар поймал рукоять
огромного топора, устремившегося к его
горлу, свободной рүкой, одновременно
обхватив голый кулак

Кхарна огромной силовой перчаткой.
Сервоприводы тяжелого доспеха
протестующе

заныли, но ему удавалось удерживать
топор на безопасном расстоянии от лица.

-- Ты проиграл, ничтожество...

Таругар злобно ухмыльнулся и начал
сжимать кулак Кхарна. Ничем не
защищенные

суставы пальцев захрустели под ужасным

давлением. Кхарн зарычал без слов, но спокойно достал плазменный пистолет и направил его на локтевой сустав Таругара. — Нет, «Поглотитель». Ты проиграл.

Вспышка, что вдруг возникла, была словно миниатюрное солнце, и Мальвену пришлось

закрыть руками глаза. Прижатый к земле военачальник отвернулся от выстрела, но теперь кричал от боли и бессильной ярости. Сплавившиеся броня, плоть и кость капали

на землю, и маленькие язычки пламени плясали на почерневшем суставе, которым теперь заканчивалась его рука.

Кхарн откинул в сторону оторванную латную перчатку и взял «Дитя кровопролития» в обе

руки, как пилу для костей. Добиться до толстой, бычьей шеи его противника было не просто, ибо ее защищал высокий горжет терминаторского доспеха, но подобные сложности не могли остановить Кхарна. Таругар осыпал его проклятьями, но он

продолжал орудовать воящим ценным
топором, вода ил из стороны в сторону,
как

безутный хирург, так что в стороны
летели отбитые осколки керамики.
Тошнотворный

влажный звук возвестил о том, что зубы
добрались до цели, Таругар затолчал, и
ярко-

красная кровь пролилась на броню и
открытую кожу Кхарна.

С диким ревом, полным триумфа, он
отрезал голову военного предводителя, и
из

неровного обрубка шеи ритмичным
фонтаном полилась кровь. Кхарн высоко
поднял

отрезанную голову, держа ее за спутанные
волосы, и вновь завыл в небо. Это был
дикий, почти первобытный звук, и небеса
ответили тем же. Над демоническим
тирот прогудел

грозовой раскат. В Пожирателей Миров
ударил порыв раскаленного ветра, отчего

глаза

Бронга заслезились.

Сквозь пелену кровавых слез он увидал
чужовищное призрачное лицо,

вырисовывавшееся из бурлящего пламени
варна. Его широкая пасть сияла, как
сверхновая.

Бой мгновенно прекратился, и все стояли,
подняв взгляд на сотканное из огня видение
своего бога, занявшее все небо.

Оно висело лишь несколько секунд, после
чего расплылось, вновь сливаясь с

бесформенными завихрениями пламени.
Глаза исчезли последними. Они еще
некоторое

время горели как жерло кузницы, но вскоре
тоже пропали.

Оперевшись на оставшийся целый меч,
Арзус Бронг поднялся на ноги и плюнул
кровью

на изувеченный труп Таругара. Рядом
неподвижно лежало еще шестнадцать

Пожирателей Миров, убитых своими

братьями. На шестнадцать воинов
уменьшилась

армия, которой предстояло сражаться в
долгой войне. Выжившие едва ли избежали
повреждений. Кхарн тоже был покрыт
кровью, но она, судя по всему, была не его.
Он

пошевелил поврежденной рукой, смотря на
нее с некоторым удивлением. Все
держались

на расстоянии от Кхарна, но его ярость
вроде бы утихла — во всяком случае, пока.

Он отнес капающую кровью голову
Таругара к оставленной в стороне сетке с
черепами и

бросил новое дополнение к коллекции в
общую кучу.

Аргус Бронд посмотрел на растянувшегося
на песке Мальвена.

-- Сенешаль, ты не утер?

Мальвен улыбнулся и поднялся на ноги.

-- Пока нет, господин.

-- Рад это слышать... В будущем мне еще
понадобятся твои советы.

Бронг прохромал к Кхарну и положил руку ему на плечо.

-- Все кончено. Я знал, что ты выиграешь для меня эту войну.

...

Я смотрю на руку, лежащую на моем плече, и на меня опускается кровавый туман.

Ярость и гнев кричат в моей крови. Даже если Бронгу и удастся заметить перемену в

моем поведении, он слишком медленен, чтобы успеть среагировать. Я хватаю его за

запястье и дергаю к себе. Кхорн благоволит тем, кто сам завоевывает победы в

своих сражениях, брат. Я резко поворачиваюсь, выкручиваю его руку и тяну ее на себя.

Он рычит от боли и злобы, но сопротивляться он не способен. Пора тебе попробовать «Дитя кровопролития»... Пора ему попробовать тебя. Кровь опять

зрохочет. Я описываю кричащим топором
дугу. Голова Бронга слетает с плеч и
падает на пропитавшийся кровью песок.
Мой счетчик убийств со щелчком
увеличивает значение. Никчемный
сенешаль Бронга истекает кровью, как
заколота
свинья...

...

— Что ты наделал?!

Кхарн опустил взгляд на безголовое тело
Арзуса Бронга. С зубьев «Дитя
кровопролития»

— теперь молчавших, неподвижных —
капала кровь. Предатель снял шлем и
повесил его

на пояс. Его лицо блестело от пота.

Мальвен невольно сделал шаг назад, когда
Кхарн посмотрел на него.

— То, ради чего сюда пришел. В итоге
восемь черепов, обещанных Кровавому
Отцу. Они

не заслуживали его покровительства.
Сколько времени у меня ушло на то, чтобы

собрать

их все? Сто лет? Тысяча?

Он утолк, переведя взгляд на бурлящее небо. Теперь Мальвен все понял.

Восемь бывших лидеров раздробленного легиона – все пали от руки Кхарна. Из всех капитанов, что возглавляли легион до Скалатракса, остался только сам Кхарн. Теперь

никто не мог претендовать на право вести за собой Пожирателей Миров, посвятивших

себя Кхорну, на основании своего статуса в прошлом.

Кхарн гарантировал, что последователями Кровавого Бога будет командовать тот, кто в

бою подтвердит, что достоин этого.

Небеса одобряюще гремели. Как и толпа на арене.

– Что теперь? Что будет с Кровавым крестовым походом?

– Повелителю Черепов все равно, откуда льется кровь. Зачем заставлять его

ждать?

Он ликующе поднял огромные
мускулистые руки, и с небес обильным
дождем из ниоткуда

хлынула кровь. Сверкнула молния, и на
демонический мир обрушилась ярость
Кхорна,

захватывая разум и подавляя все
рациональные мысли.

Брат пошел на брата, убивая и калеча,
разрывая гортань алыми от крови зубами,
отрубая

конечности цепными топорами и
железными мечами. А Предатель шагнул
среди них, и

каждый его удар нес смерть.

Он выгнул спину и закричал в небеса,
отдаваясь безумной молитве вместе с
толпой.

...

Кровь Богу Крови!

...

Мальвен сел рядом с телом своего
повелителя. По его щекам текли слезы,

оставляя

тонкие полосы в запекшейся, высохшей крови, дождем пролившейся на его лицо. Он не

знал, сколько времени прошло со смерти Аргуса Бронга. Час? День?

На него упала тень, и он поднял взгляд вверх. Над ним стоял Кхарн, с ног до головы

покрытый кровью и ошметками плоти. Ликующей толпы больше не было. Обезумевшие

боевые отряды уничтожили друг друга, заразившись той же жаждой убийства, что охватила Пожирателей Миров.

Все плоские поверхности в поле зрения были покрыты телами и частями тел. Страг

крови и смерти выходил за пределы человеческого восприятия и поднимался на сверхестественный уровень. Без сомнения, пустоши за ареной выглядели так же.

Один лишь Кхарн остался жив после этой резни. Он совершил последнее убийство.

Он смотрел на Мальвена сверху вниз, держа шлем в одной руке, а «Дитя кровопролития»

-- в другой.

-- Почему я еще жив?..

-- Ты хочешь умереть. Твоя смерть не принесет удовлетворения Кровавому Отцу.

К тому

же ты еще можешь оказаться полезен.

-- А что же ты?..

Кхарн жестоко улыбнулся. В его глазах горел отблеск неконтролируемой ярости.

-- Мое дело еще не закончено. И будет закончено не скоро

...